

БРЕТТ СКОТТ

Облачные деньги

Наличные, карточки, криптовалюта
и борьба за наши кошельки

CoRpus

Я хочу показать, почему не стоит верить всем ЭТИМ
историям о неизбежной цифровизации денег
и финансовой системы.

Бретт Скотт
**Облачные деньги. Наличные,
карточки, криптовалюта и
борьба за наши кошельки**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69542521

Облачные деньги. Наличные, карточки, криптовалюта и борьба за наши кошельки / Бретт Скотт; пер. с англ. Н. Шаховой: АСТ: CORPUS;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-150593-6

Аннотация

Платежные карты кажутся удобными, а криптовалюта – отвечающей духу времени, однако Бретт Скотт в своей новой книге “Облачные деньги” объясняет, почему наличные деньги сейчас важнее, чем когда-либо. Он не предлагает полностью отказаться от цифровых денег и не считает биткоины вредными или бессмысленными для человечества, но советует задуматься о ведущейся тайной войне с наличными. Идет борьба за наши с вами кошельки, и автор дает обзор нынешней платежной системы, показывая, каким образом извлекаются прибыль и данные из совершаемых нами покупок. Не нужно верить тем, кто убеждает людей, будто наличным деньгам суждено исчезнуть, как это произошло с конной повозкой после изобретения автомобиля.

Наличные – это не телега, а велосипед, мчащийся сквозь автомобильную пробку. Это может быть не так быстро, но куда безопаснее. “Облачные деньги” объясняют, предостерегают и успокаивают: мы в состоянии научиться верно распоряжаться собственными сбережениями.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Противоречивость денег и технологий	11
Мой путь	15
“Неизбежный прогресс” автоматизации	20
Криптоджокер	26
О чем эта книга?	31
Глава 1	33
Деньги как нервная система	38
Заряжаем корпоративный капитализм	41
Проблема неполноты картины	46
Препятствие	50
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Бретт Скотт
Облачные деньги.
Наличные, карточки,
криптовалюта и борьба
за наши кошельки

Маме, папе, Крейгу и Анту с большой любовью

BRETT SCOTT

Cloud money

Cash, Cards, Crypto and the War for our Wallets

This edition is published by arrangement with PEW Literary Agency Limited and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского

Натальи Шаховой

© Brett Scott, 2022

© Н. Шахова, перевод на русский язык, 2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS ®

Введение

Это книга о слиянии и приобретении: о слиянии Фингигантов и Техгигантов и о приобретении власти – едва слияние завершится, Фингиганты и Техгиганты приобретут над нами невиданную в истории человечества власть.

Моя точка зрения противоречит общепринятой. СМИ ежедневно поднимают шумиху вокруг очередного стартапа и неслыханных удобств его новейшего финансового приложения. Всякое сообщение (допустим, *Amazon*) о партнерстве с новой платежной платформой или *Citigroup* — о сотрудничестве с *Google Pay* — подается как долгожданный технический прорыв. Бесчисленные футурологи, стремясь перекричать друг друга, постоянно славят новомодные штучки в сфере цифровых финансов, как барды, наперебой воспевающие короля.

Я хочу показать, почему не стоит верить всем этим историям о неизбежной цифровизации денег и финансовой системы. Нужно отключиться от расхожих разговоров в финансовой и технической сферах и игнорировать речи президентов корпораций и их приспешников. Предприниматели, как серферы, любят хвастаться своими полетами на гребнях морских волн (давая при этом советы, как сохранить равновесие) и не желают задумываться о борьбе со скрытыми источниками мощных течений вроде морских ветров и

коралловых рифов. Течения возникают и в результате далеких землетрясений, вызванных движениями невидимых тектонических плит. Пропустим мимо ушей истории об успешном серфинге и перейдем непосредственно к тектоническим сдвигам в глобальной экономике.

На наших глазах происходит процесс автоматизации мировой финансовой системы, который прежде всего требует замены физических денег, хранящихся в наших кошельках, на электронные, контролируемые банковским сектором. Эту замену принято маскировать термином “переход к безналичному обществу”. Представители финансовой отрасли и некоторые правительства уже по меньшей мере пару десятилетий активно пытаются демонизировать физические деньги. Пандемия COVID-19 подлила масла в огонь: финансовые и технологические корпорации усилили гонения на наличные, добавив к своим аргументам опасения гигиенического характера. Наличные защищают частную жизнь и устойчивы как к стихийным бедствиям, так и к банковским кризисам, но их все чаще выставляют в качестве анахронизма, тормозящего прогресс, преграды, которая неизбежно будет устранена, после чего откроется путь в новый мир электронных денег, которые я называю “облачными”.

Цифровизация платежей создает почву для цифровизации финансовой отрасли в целом – задачи, которая в настоящее время отдана на откуп финтеху (финансово-технологическим компаниям). А цифровизация финансовой отрасли,

в свою очередь, делает возможной полную автоматизацию корпоративного капитализма. Мы уже можем видеть это воочию в работе таких корпораций, как *Amazon*, *Uber* и *Google* (а также китайских *Tencent* и *Alibaba*). Почти любая крупная технологическая фирма вступает в партнерские отношения с финансовыми организациями. Такой компании не стать глобальной цифровой империей без объединения с глобальными цифровыми платежными системами.

В ходе этого процесса возникают огромные олигополии (конгломераты мегафирм), но они невидимы благодаря появлению полчищ приложений, дающих иллюзию разнообразия. Под прикрытием экранов наших смартфонов растет инфраструктура автоматического финансового контроля. Миллиарды людей включены в связанные между собой системы, в которых реализован неслыханный уровень надзора и сбора данных, что открывает пугающие новые возможности для ограничений, манипуляций и обмана. Борьба за подчинение людей этим системам превращается в геополитическую схватку между крупнейшими державами при поддержке их корпоративных союзников.

На первый взгляд кажется, что отдельные корпорации и правительства борются за доминирование, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они расталкивают друг друга, стремясь занять место в растущей суперсистеме планетарного масштаба. Эту систему трудно охватить взглядом полностью – отчасти потому, что она необозримо велика. Но

наше ежедневное взаимодействие с армадой телефонов, компьютеров и сенсоров (каждый из которых отсылает информацию в удаленный центр обработки данных – ЦОД) накладывает на нас определенный отпечаток, порождает неуютное ощущение, что мы живем в мире, который становится все более взаимосвязанным.

Некоторые – и я в том числе – ощущают клаустрофобию, замечая эту все туже оплетающую нас паутину. От рекламных объявлений об удобстве продуктов, которые позже попытаются изучать мое поведение и давать мне рекомендации, бросает в дрожь. Я смотрю на свой телефон и думаю: а вдруг это не помощник, а агент какой-то злой силы, отслеживающий те аспекты моей жизни, которые раньше ускользали от формального контроля.

Однако я не собираюсь доказывать, что цифровой мир плох или что взамен него нужен какой-то хороший не цифровой. Публичные споры обычно проходят в режиме отстаивания одного мнения в противовес другому, но мне мир видится состоящим из противоречий. Я понимаю, что все мы опутаны сложными сетями – экономическими, культурными и политическими, – которые могут одновременно и давать свободу, и ограничивать ее. В этой книге я хочу изменить баланс в искаженном представлении о цифровых финансах – сейчас все говорят лишь о свободе, которую они дают. Давайте посмотрим на них как на контраст темного *инья* с более ярким *янем*.

Противоречивость денег и технологий

В юности папа учил нас с братом читать топографические карты и отправлял в путешествие по Драконовым горам (ЮАР) с одним компасом. Нам казалось, что это делает нас по-настоящему крутыми, но за 500 лет до того в тех же самых горах представители коренного народа сан ориентировались вообще без всяких технических средств, опираясь лишь на звезды, личный опыт и интуицию.

Тут кроется противоречие. На первый взгляд прибор – это средство, с помощью которого мы подчиняем себе мир (как тот драгоценный компас, который мы с братом сжимали в руках, двигаясь вперед). Мы, конечно, успевали добраться до пещеры в горах, прежде чем становилось темно, и были очень горды собой. Но при этом упускается из виду, что используя прибор, мы приобретаем зависимость от него. Держа компас в руках, мы забываем о своем внутреннем “компасе”, возможно, теряя часть его или вовсе не давая ему развиваться.

У технологий есть две стороны. Мы считаем, что они увеличивают наши возможности, но они же повышают нашу зависимость. Устройства, призванные помогать, начинают руководить нашими действиями и мыслями; новшества, которые исходно открывали дополнительные возможности, превращаются в насущный атрибут. Житель крупного города

может, конечно, выбирать модель смартфона, но выбор, покупать смартфон или нет, перед ним практически не стоит. Смартфон необходим, иначе окажешься изолированным от социально-экономического окружения, от которого зависишь.

Это противоречие еще больше усиливается, если мы даже *не держим врунах* те мощные технологии, от которых зависим. Например, в моем телефоне не стоит *Google Maps*. Эта программа находится в удаленном цифровом ЦОДе – части того, что в обиходе называют “облаком”, и к этому облаку я обращаюсь со своего смартфона. Таким образом, мое чувство направления передоверяется некоему удаленному гиганту.

Наша зависимость от *Google Maps* возникла недавно – всего несколько десятилетий назад. Но сегодня у любого лондонца замирает сердце, если заряд батареи снижается до одного процента и возникает опасность потери связи с этим удаленным цифровым оракулом. Наша жизнь настолько прочно привязана к технологиям, что они как будто врастают в нас. Потеряв доступ к своему телефону всего на день, я чувствую себя, как заядлый курильщик во время дальнего авиаперелета, – на уме только одно: когда же наконец можно будет отстегнуть ремни, выскочить наружу, закурить и снова почувствовать себя человеком.

Такого же рода противоречие связано и с *деньгами*, но оно лежит еще глубже. В наше время деньги воспринима-

ются как жизненная необходимость и обеспечивают – при должном уровне благосостояния – богатство возможностей. Мы настолько давно забыли, как выглядел мир до возникновения денежного обмена, что даже не можем себе этого представить. Пять тысяч лет назад денежные системы были небольшими и изолированными, но со временем они завладели нашей цивилизацией. Для доступа почти к любому предмету – от компьютера до ботинок и от импортных макарон до этой книги – мы обращаемся к глобальной системе денежного обмена. Наши отношения с деньгами еще глубже, чем отношения с технологиями: если мы чувствуем, что наш баланс приближается к нулю и мы теряем доступ к рынку, нас охватывает паника. Потеря этого доступа еще хуже, чем лишения курильщика во время перелета: чувствуешь себя, как рыба, задыхающаяся на берегу и ползущая к воде. А все потому, что деньги обеспечивают доступ ко всему остальному, от чего мы зависим; они – основной объект зависимости.

Однако все становится еще сложнее, если мы теряем возможность непосредственно держать деньги в руках. Электронные деньги на наших счетах находятся в управляемых банковским сектором удаленных ЦОДах, с которыми мы общаемся с помощью телефонов, компьютеров или платежных карточек. “Безналичное общество” – это мир, где мы делегируем право проводить транзакции этим финансовым организациям, вступающим в настоящее время в союзы с такими корпорациями, как *Google*, которые обеспечивают нам воз-

возможность находить дорогу. Именно такие союзы преподносятся как фантастически удобные, но это удобство неразрывно связано с крайне высоким уровнем зависимости от концентрированной власти корпораций. Это – ключевое противоречие нашего времени; именно о нем я и буду рассказывать в своей книге.

Мой путь

Последние 14 лет я провел на переднем крае глобального финансового сектора. Все началось с работы в сомнительном финансовом стартапе в Лондоне, где в разгар финансового кризиса 2008 года я пытался заключать мутные сделки, известные под названием “экзотических деривативов”. В течение двух лет я целыми днями названивал финансовым директорам корпораций, менеджерам крупнейших фондов и трейдерам из инвестиционных банков. Под давлением рушившихся глобальных рынков наша компания в конце концов потерпела крах, просуществовав, однако, достаточно долго, чтобы я успел пройти вводный курс в черную магию высших финансовых сфер.

Финансовый сектор – это древняя сила, возникшая по меньшей мере на тысячу лет раньше интернета. Он руководит глобальной денежной системой, на базе которой ежедневно возникают сотни миллионов экономических отношений и финансовых контрактов. Это мир центробанков, коммерческих банков, Уолл-стрита, лондонского Сити и всемирной сети оншорных и офшорных финансовых центров. В переполненных барах лондонских финансовых районов бурлят толпы белых воротничков из этого сектора: громогласных трейдеров, изворотливых инвестиционных банкиров, изысканных экономических советников, мрачных ме-

неджеров хедж-фондов. За закрытыми дверями шикарного Мейфэра русские олигархи берут кредиты для горнодобывающих предприятий, а нефтяные шейхи Ближнего Востока получают инвестиционные советы для суверенных фондов.

В 2013-м я опубликовал книгу об этом мире под названием “Еретическое руководство по глобальным финансам: взлом будущего денег” (*The Heretic's Guide to Global Finance: Hacking the Future of Money*). Я применил к миру Фингигантов подходы, о которых узнал при изучении антропологии. Кроме того, книга опиралась на философию хакеров, стремящихся проникнуть в сложные системы, чтобы пошатнуть мощь финансового сектора. Ее публикация открыла мне возможности поехать по свету, сотрудничая с разнообразными сообществами, якобы нашедшими ключи к финансовой революции или реформе.

Эти сообщества – от ультралевых анархистов и экологических активистов до медиумов, рыночных либертарианцев, воинствующих консерваторов и правительственных технократов – отличает изобилие взаимоисключающих точек зрения. Я разрабатывал локальные валюты с хиппи, ассистировал борцам с изменениями климата в лоббировании пенсионных фондов, помогал бухгалтерам по-новому взглянуть на будущее аудита и спорил с разработчиками монетарной политики. Я был приглашенным “специалистом по финансам как искусству” в Венской художественной галерее и сотрудником лаборатории *Media Lab* в МТИ. В моей среде оби-

тания водятся сотрудники Центробанка Малайзии и американского офиса Международного валютного фонда, немецкие антинадзорные активисты и сербские диссиденты. Я даже как-то сидел за одним столом с ультраправыми, некоторые из которых заигрывали с фашизмом. Мне повезло познакомиться с самыми разными взглядами на проблемы нашей экономической системы, разными подходами к ее изменению и разными конечными целями людей, призывающих к этим изменениям.

К 2015-му я начал смещать фокус своего внимания на властелинов цифровой автоматизации – технологические компании Кремниевой долины. Их офисы отличаются от классических офисов финансовых корпораций: здесь царство открытой планировки с мягкими пуфами, лекционными досками, обклеенными стикерами, и красочными программными кодами на черных экранах. Мир насыщенных инновационной терминологией презентаций стартапов, в ходе которых президенты компаний под аплодисменты энтузиастов представляют свои новейшие приложения, расхаживая по сцене с головными микрофонами. Крупнейшие компании – *Google (Alphabet)*, *Facebook*¹, *Apple*, *Amazon* и *Microsoft* (а в Китае *Alibaba*, *Tencent* и *Baidu*) вплетаются в соединительную цифровую ткань, с помощью которой все мы взаимодей-

¹ Деятельность Корпорации *Meta Inc (Facebook, Instagram)* решением российского суда признана экстремистской и запрещена на территории России. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – примечания переводчика.*

ствуем с рынком. Это позволяет им собирать огромные объемы данных для обучения систем искусственного интеллекта (ИИ).

Представители высших эшелонов как финансового, так и технологического сектора уверены, что ведут за собой мир, но это люди из разных культур. Если символ финансового мира с его безжалостным стремлением к защите собственных интересов – это корпоративный рейдер Гордон Гекко, герой фильма “Уолл-стрит” (1987), то символом технологического сектора долгое время был идеалистичный и чудаковатый программист. Этот настрой отражает знаменитый рекламный ролик компании *Apple*, транслировавшийся во время “Супербоула” 1984 года: спортсменка в яркой одежде разбивает молотом гнетуще-серое статус-кво, обещая свободу от традиционной структуры власти.

Но так было в 1980-е. Ныне эти культуры сливаются, что заметно по миграции сотрудников между Фингигантами и Техгигантами. Например, мой друг раньше работал специалистом по количественному анализу *kJ. P. Morgan*, вычисляя стоимость финансовых контрактов. А теперь он работает в *DeepMind*, подразделении по ИИ компании *Google*, исследуя вопрос разработки ИИ, который можно будет применить к любой ситуации.

Слияние финансов и технологий проявляется и в форме образования их гибрида – сектора финтеха. Эта отрасль – яркий пример неоднозначных, но тесных взаимосвязей меж-

ду двумя мирами. Финансовый кризис 2008 года сильно подпортил репутацию банков, поэтому возникла техноутопическая идея о том, что цифровые стартапы разрушат империю финансов и приведут к финансовой демократизации. Цифровые технологии выдавались за рыцаря в белых доспехах, который наведет порядок в старом злодейском мире финансов. Слово “финтех” стало крайне модным, привлекая как сотрудников традиционных банков с их идеями цифровизации услуг, так и предпринимателей из мира технологий, у которых руки чесались попробовать себя на ниве финансов.

С самого начала финтех смотрелся скучнее остального технологического сектора из-за его связей с набившими оскомину Фингигантами, но все же ярче традиционных финансов – из-за связей с крутой Кремниевой долиной. До настоящего времени он эксплуатирует представление о том, что технологии реформируют финансовый сектор и волокут банки в новый цифровой мир, несмотря на их сопротивление и вопли. По словам технарей, будущее нужно притащить в настоящее, а все старое должно исчезнуть в прошлом. Финансовую отрасль следует осовременить, а все пережитки прошлого, включая отделения банков, физические наличные и нецифровые процессы, – уничтожить. Этот подход выдается за коренной слом финансовой системы, но если приглядеться повнимательнее, то мы увидим не попытку реорганизовать Фингигантов, а попытку их *автоматизировать*. Это различие, впрочем, редко отмечается. Почему?

“Неизбежный прогресс” автоматизации

Нам свойственно стремление угадать, каким *может быть* будущее, но если прогноз неясен, то порой мы начинаем доказывать, каким оно *должно быть*. Это сфера политики: мы страстно агитируем за то будущее, к которому стремимся, вместо того чтобы соглашаться с тем, которое кажется вероятным. Но если местные политические требования сводятся, скажем, к финансированию школ или созданию зеленой инфраструктуры, то транснациональные требования гораздо сложнее. Когда речь заходит о повсеместной цифровизации и автоматизации глобальной экономики, люди странным образом замолкают. Им кажется, что все это произойдет независимо от их желания.

Почему? Дело в том, что всемирная экономическая система заставляет нас чувствовать себя пигмеями и большинство полагает, что нам остается лишь реагировать на нее, а не пытаться ее формировать. Никто не думает, что стоит у руля глобальной экономики, но все чувствуют, что она движется, как бесконечный кортеж на автопилоте. Ее курс определен: корпорации растут, оружие становится более мощным, ресурсы истощаются, а цифровая взаимосвязанность становится крепче. Все согласуется с мрачными сценариями кибер-панковской фантастики 1970-х. Ее персонажи живут в

высокотехнологичных мирах, где леса уничтожены расплозавшимися мегаполисами, а правительства слились с гигантскими корпорациями. Последние предлагают одурманенному человечеству возможность уйти из удручающего однообразия жизни в фантазии виртуальной реальности, а кучки мятежников пытаются этому противостоять.

Если иногда кажется, что технологические компании вдохновляются мрачными видениями фантастов, то это потому, что их сюжеты уже воплощаются в реальных новшествах, внедряемых Техгигантами: от вездесущих технологий распознавания лиц из “Особого мнения”² и биотехнологий из “Бегущего по лезвию”³ до “горгулий” из “Лавины”⁴, которые с помощью специальных устройств подгружают аудиовизуальные данные в интернет-подобную виртуальную реальность, называемую “Метавселенной”. Однако для того чтобы воплощать эти сюжеты в жизнь, необязательно вдохновляться научной фантастикой: киберпанки просто экстраполировали тенденции, которые уже были характерны для масштабных капиталистических систем. Именно поэтому все это возникает в нашей жизни, как будто по инерции.

Пандемия COVID-19 временно дестабилизировала это

² Научно-фантастический фильм Стивена Спилберга по мотивам одноименного рассказа Филипа Дика.

³ Фильм Ридли Скотта по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика “Мечтают ли андроиды об электроовцах?”.

⁴ Научно-фантастический роман Нила Стивенсона.

ощущение инерции, дав многим из нас мощный ментальный толчок. На короткое время наши системы, казалось, сделали паузу, вызвав у одних тревогу, у других – эйфорию, а потом снова пошли как по накатанному, будто после перезапуска остановившегося конвейера (причем на большей скорости). Поклонники технологий изо всех сил стараются придать этому ощущению инерции позитивный смысл. Они утверждают, что увеличение масштаба и скорости экономических процессов – это движимый творческим духом человечества “прогресс”, в котором все мы принимаем участие.

Подобные настроения наводняют сферу цифровых финансов. Например, эксперты утверждают, что безналичное общество неизбежно, потому что “мы” – члены общества – видим преимущества постоянного ускорения, автоматизации, связности и удобства и хотим всё большей цифровизации финансов. Поскольку этого хотим все “мы”, отдельный инакомыслящий не может этому противостоять, а если попробует, то останется *позади*. Такую постановку вопроса подкрепляют маркетологи, твердящие, что надо *быть готовыми* к переменам, которые явно грядут, иначе мы окажемся в стороне от “быстроменяющегося мира”. Это заклинание сопровождает почти все продукты, внедряемые финансовыми и технологическими компаниями, которые выдают коммерческие интересы за непреодолимые и благоприятные для всех стихийные силы.

Я вижу это на платформе лондонской подземки в виде

рекламы электронных платежей, утверждающей, что “Будущее здесь”. И на щите, который висит на сингапурском небоскребе, рекламируя самсунговские смартфоны словами “Будущее – это сейчас”. Слышу в словах участника конференции в казахстанском Нур-Султане⁵, поющего осанну грядущей цифровизации всего на свете. Ту же идею продвигает местный политик по телевизору в ЮАР (моя родина), призывая готовиться к “Четвертой промышленной революции”. Мой отец – отставной солдат из сельской Зимбабве. Его компьютеру 12 лет, а вечно бормочущий в его доме телевизор советует готовиться к изобилию дронов, робототехники, “умных городов”, биотехнологий и искусственного интеллекта – всего, о чем он и не думал просить.

Откуда же местный политик набрался этого? Официальная версия событий исходит из высокотехнологичных центров в развитых регионах, поставивших на кон свои огромные доходы. Один из таких центров находится в 16 тыс. км от ЮАР, в Кремниевой долине, где люди добиваются капиталовложений от инвесторов и разрабатывают маркетинговые кампании, чтобы привлечь нас к своим платформам. Их перешептывания доносятся из залов совещаний и баров калифорнийского побережья до специализирующихся на инновациях журналистов, которые влияют на организаторов дискуссий на Всемирном экономическом форуме в Давосе, транслирующихся по Би-би-си, передачи которой смотрит

⁵ Столица Казахстана, переименованная в Астану уже после выхода книги.

местный законодатель интеллектуальной моды в Йоханнесбурге, чья задача – держать политика в курсе международных тенденций. Вот так, а также тысячью других путей современные технологические мантры проникают в дом моего отца. Услышав, что надо готовиться, он, как большинство людей, просто почувствует, что технологии опутывают его через окружающие сети. После чего ему останется только присоединиться.

Многие не ощущают ни индивидуальных, ни коллективных возможностей для выбора того, как все это будет развиваться. А для некоторых психологически проще стать глашатаем грядущих чудес технологического прогресса и с равнодушным фатализмом воспринимать любые упоминания о возможных неприятностях. Тем более, если тебе за это платят. А многим мейнстримным футурологам платят *немалые деньги* за то, чтобы они выступали пророками неизбежного. Например, в 2016-м Кевин Келли, основатель и редактор журнала *Wzret/*, опубликовал книгу “Неизбежно: 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее” (*The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*). Заголовок говорит о будущем, как о погоде – о том, что просто случится с тобой. Двенадцатое предсказание в его “прогнозе погоды” гласит, что мы войдем в состав “планетарной системы, объединяющей всех людей и все машины во всемирную матрицу”.

Могу представить себе, как эта матрица может быть созда-

на. Возьмите олигопольный сектор технологических гигантов, чьи платформы внедрены в жизнь миллиардов людей, и с помощью инфраструктуры финтеха склейте его с олигопольным сектором финансовых гигантов, чьи электронные деньги внедрены в жизнь миллиардов людей. А затем склейте это со всем остальным (городами, машинами, нашими телами) и преподнесите всю эту ситуацию – в которой всей нашей средой владеют соображения выгоды удаленных олигополий – как неизбежную и желанную революцию, которую все мы произвели. И, наконец, объявите каждого протестующего неадекватным и отсталым луддитом, застрявшим в прошлом, которого нужно уговорить или спасти.

Криптоджокер

Но могут быть и другие пути создания всемирной матрицы. Одно такое предложение было выдвинуто в 2008 году в форме мудреного девятистраничного PDF-файла, опубликованного на одном из интернет-форумов. Документ назывался “Биткоин: одноранговая система электронных денег”, а его автором значился неизвестный под псевдонимом Сатоши Накамото. В статье описывалось, как сеть людей может эмитировать электронные токены и обмениваться ими без посредства банков, управляющих обычной системой электронных денег, которой мы пользуемся с помощью бесконтактных платежных карточек. Накамото и его последователи принялись за разработку предложенной системы и к 2009-му выпустили первую версию протокола с открытым кодом, реализация которого привела к созданию биткоина – первой в мире “криптовалюты”.

Я начал экспериментировать с биткоином в 2011 году и опубликовал тогда в блоге два поста о нем. Один из постов вскоре оказался на первой странице выдачи *Google* по этому феномену. Когда в 2013-м продюсеры Би-би-си и других СМИ лихорадочно бросились собирать информацию о биткоине, я стал получать по электронной почте приглашения выступить на телевидении и радио. Кроме того, я стал зарабатывать биткоины – в основном в обмен на свою первую

книгу – и покупать на них пищу в лондонских пабах, мятный чай в Болгарии и даже товары на сайте для взрослых под названием *Crypto Sex Toys*. Я убедил своего соседа принять биткоины в счет арендной платы, когда у меня кончились обычные деньги, и я платил биткоинами помощникам. На базе биткоина стал развиваться криптомир, возникали новые криптовалюты. Это был увлекательный, полный экспериментов мир, дух которого хорошо отражала появившаяся в 2013-м забавная криптовалюта догикоин, основанная на меме с собачкой породы сибайну.

Вскоре атмосфера изменилась. Привлеченные технологической новизной этих крипто-токенов, их стали покупать и продавать биржевые игроки. Одновременно стала популярной лежавшая в основе токенов технология блокчейна, и к 2015 году слово “блокчейн” само по себе стало модным – фанаты инноваций кричали о нем на каждом углу. На технологии блокчейна базируются электронные системы, которые позволяют незнакомым между собой людям координировать действия без помощи посредника. Действия могут включать перемещение токенов (именно это обеспечивает система биткоина), но этим не ограничиваются. Широкий спектр неисследованных возможностей дал мощный толчок развитию новых технологических подходов, основанных на концепции “децентрализации”: казалось, что в этом таится угроза для всех существующих “централизованных” систем (то есть систем с небольшим количеством крупных игроков

в основе). Это могло пошатнуть как финансовую, так и правовую системы, а также систему защиты авторских прав и систему международной торговли.

Новшество было заманчивым, но неопределенность предлагаемых решений в сочетании с плохим пониманием существующих систем породила нелепые утверждения о том, какую революцию может произвести блокчейн в сфере денег, финансов и экономики. Новинку продвигали все – от специалистов по интеллектуальной собственности до анархокапиталистических либертарианцев и от неофашистов до медитирующих йогов, – видя в ней органическое средство для создания всемирной гармонии.

Шум был настолько велик, что привлек внимание мейнстримных институций, в результате чего в мой электронный почтовый ящик хлынул поток запросов о помощи и приглашений написать статью или выступить с докладом. Я написал один из первых обзоров ООН по криптовалюте и позже выступил с ним в Комиссии и Парламенте ЕС, а из Международного валютного фонда мне прислали имейл с вопросом, поможет ли блокчейн решить проблемы международных платежных систем. На волне технологии блокчейна я пронесся по всему свету: от Амстердама до Сан-Франциско и от Найроби до Токио.

Как ни странно, я мало что знал о технологии блокчейна, – но и никто не знал. Толпы ловцов удачи сыпали броскими клише с экранов студий *Bloomberg* и *CNBC* и со сцен

конференц-залов. Я слышал, как люди, не имевшие никакого понятия о сложной истории колониализма, уверяли, что блокчейн “положит конец бедности в Африке”, а бесчисленные гуру криптовалюты, несведущие в работе банков, предсказывали разгром банковского сектора. Встречал я и высокопоставленных сотрудников банков, воспринимавших эти прогнозы всерьез, потому что им не хватало квалификации, чтобы оценить утверждения технологических экспертов.

Изначально технология блокчейна давала надежду на создание децентрализованной альтернативы растущим финансовой и технологической олигополиям, о которых я говорил в начале этого введения. На первом этапе основным стимулом для ее развития служили опасения того, что безналичное общество приведет к тотальному контролю и что в век цифровизации возникнет чудовищная концентрация государственной и корпоративной власти. Однако технология блокчейна заключает в себе самой серьезные противоречия. В частности, она, по-видимому, совершенно не пугает финансовые организации и мегакорпорации – напротив, они весьма охотно готовы включить эту технологию в свою деятельность. Ведь она – при соответствующей настройке – может координировать не только сети обычных людей, но и деятельность олигополий.

К 2021-му шумиха вокруг блокчейна перешла на новый уровень: тогда всемирная капиталистическая система принялась поглощать целые сектора этой технологии. Техно-

логические титаны, вроде Илона Маска, начали продвигать криптовалюты, венчурные капиталисты – создавать фонды для инвестирования в криптостартапы, а крупные международные платежные компании вроде *Visa* — предлагать новые виды деятельности, включающие криптовалюту в обычные платежные системы. Появившись как воображаемая альтернатива Фингигантам и Техгигантам, в реальности блокчейн все больше срастается с ними. Возникающий симбиоз с равной вероятностью может как усилить негативные тенденции, так и победить их.

О чем эта книга?

Должны же у направления, в котором нас подталкивают, быть свои преимущества? Да, это возможно, но прежде чем говорить о них, я хочу описать нашу денежную систему, чтобы вы поняли, как она меняется и как разрушается система наличных. Потом мы рассмотрим динамику финтеха, то, как он пытается “замаскировать” существующую финансовую систему и как это соотносится с Кремниевой долиной. Затем я проведу вас через причудливый мир криптовалюты и технологии блокчейна, выдаваемый за альтернативу. Покажу зоны гибридизации, возникающие в результате набегов банков на криптомир и ответных атак. Постепенно мы доберемся до наших дней – дней, когда эти силы могут вот-вот поглотить нас, если мы не сумеем подтолкнуть их в другом направлении.

По ходу дела я буду критиковать многие институты, начиная от государств и корпораций и кончая стартапами и даже идеологическими сообществами. Хочу подчеркнуть, что эта критика не направлена против входящих в эти системы *людей*. Всем нам приходится выживать в этом мире, и для большинства это означает, что необходимо работать в рамках существующих структур. Я часто вижу, что логика этих структур подавляет добрые намерения тех, кто в них работает, и даже тех, кто ими руководит. Прежде чем обрести надежду

на творческую реорганизацию наших систем, нужно их критически рассмотреть, и сейчас самый подходящий момент для этого. Пандемия усилила нашу зависимость от международных электронных инфраструктур, и многие из нас, засев дома перед компьютерами, почувствовали не только пустоту этого замкнутого пространства, но и таящуюся в нем скрытую силу.

Глава 1

Нервная система

Я смотрю вниз из окна 39-го этажа второго по высоте небоскреба Великобритании. Это место называется *Leveljy* и расположено в лондонском районе Канэри-Уорф – районе с одной из самых высоких в мире концентраций финансовых мегакорпораций. Здесь – центр технологических стартапов. Владелица этого района, компания *Canary Wharf Group*, создала *Levels*, чтобы в нем – как в чашке Петри – выращивать финтеховские стартапы. Их здесь порядка сотни; большинство работает над каким-нибудь аспектом финансовой автоматизации – от платежных приложений и страховых ботов до ИИ по вычислению кредитных баллов и роботов-консультантов.

Такие колонии молодых компаний называют “инкубаторами” или “акселераторами”, но точнее было бы представлять их элитными фитнес-центрами, где компания проходит интенсивные тренировки, накачивается стероидами (поддержкой венчурных капиталистов) и под конец проводит час в солярии, чтобы приобрести здоровый загар. Меня часто приглашают в этот мир технологических стартапов. Я пришел в *Level39*, чтобы принять участие в семинаре на тему “будущее денег”.

Но мне и прежде доводилось смотреть из окон небоскребов Канэри-Уорф. В первый раз это было больше десяти лет назад, в июле 2008-го, когда я проходил собеседование на 35-м этаже инвестиционного банка под названием *Lehman Brothers*. Тогда я добрался до второго тура, но прежде чем смог пройти на третий, этот мегабанк обанкротился, дав старт международному финансовому кризису.

В разгар этого кризиса меня взяли на работу брокером по деривативам, и в этой должности я посетил много офисов в небоскребах. Тогда я понял, что чем выше здание, тем менее приземленный в нем настрой. Например, на 35-м этаже никто не станет заниматься ручным изготовлением хлеба из муки жернового помола, там скорее будут делать крупные ставки на мировую цену пшеницы, чтобы использовать их в транснациональном риск-менеджменте пшеницы или для спекуляции.

Лондон – не единственное место, где высятся такие небоскребы. Они есть всюду, где собираются властелины мира финансов, будь то Сингапур, Нью-Йорк, Шанхай, Токио или Франкфурт. Один из самых культовых небоскребов Франкфурта – Коммерцбанк-Тауэр. Помню, как однажды ночью я его фотографировал, а изнутри на меня смотрел охранник. Огромная башня напомнила мне крепость волшебника Сарумана из “Властелина колец”: ее отвесная стена вздымалась до стоящей на крыше крепости, освещенной призрачным желтым светом мощных прожекторов. Каждая деталь

этих зданий – от защитных решеток на входе до сияющих на солнце непрозрачных снаружи стеклянных панелей – призвана демонстрировать неприступную власть. Их архитектура отражает наши взаимоотношения с финансовой отраслью: большинство людей стоит у подножия этих монолитов и смотрит на них снизу вверх.

Но внутри у Коммерцбанк-Тауэр есть секрет: мужской туалет с рядом керамических писсуаров, расположенных так, что когда ими пользуешься, перед тобой открывается панорамный вид на город, на снующих по своим делам людей.

Банкиры, надменно взирающие сверху на мир и орошающие его мочой, – символ отрасли? Поработав в сфере крупных финансовых операций, я считаю, что картина на самом деле сложнее. Несмотря на всю свою браваду, банкиры редко управляют собственными организациями и часто являются лишь орудием для реализации высшей воли. В корпоративных небоскребах есть что-то нечеловеческое. Костюмы, которые носят банкиры, подобны защитной униформе, а туалеты – по сути, единственное место в небоскребе, где они могут открыть в своей броне щель, обнажив живую плоть.

Все мы в конце концов члены местного сообщества, тесно связанные со своим окружением, и даже банкиры самого высокого полета потеряли бы желание входить в эти холодные башни, не будь у них друзей, семьи, домашних животных или сообщества, к которым они могли бы возвращаться каждый вечер. Никому не хочется обнимать кого-то в постели в Коммерцбанк-Тауэр, и жизнь, на которую смотришь с пятидесятого этажа, лишена запахов и звуков. Небоскребы нельзя считать нормальной средой обитания для живых людей. А вот для *корпораций*, если представлять их себе как отдельные живые создания, они как раз естественная среда обитания. Корпорации чувствуют себя очень комфортно в стальных башнях, воспринимая людей, которых они видят со своего пятидесятого этажа, всего лишь как объекты с характеристиками, подлежащими обработке в электронных таблицах.

Если рассматривать сообщество международных финансовых корпораций как единую совокупность, то их можно представлять плотным нервным центром многоуровневой империи денег и обязательств выплатить деньги, которые передаются по оптоволоконным кабелям под морским дном и пересылаются через оффшорные центры к другим разбросанным по миру центрам корпораций. *Levels* расположен на вершине одной из этих башен, и работающие там сотрудники финтеха, возможно, сами того не зная, наняты, чтобы автоматизировать этот нервный центр.

Деньги как нервная система

Я выбрал термин “нервный центр” намеренно. У экономистов принято, говоря о деньгах, проводить аналогии с кровью, уподобляя деньги ценной субстанции, “циркулирующей” в экономике. Финансистам нравится это сравнение, потому что оно представляет их сектор “бьющимся сердцем” глобальной экономики. Но отсылка к кровообращению затуманивает подлинную суть финансов.

Нервная система человека – это сеть нейронов, пронизывающих все ткани и мышцы и передающих импульсы для активации мышц. Сеть концентрируется в определенных местах, таких как спинной и головной мозг (в последнем самая высокая концентрация нейронов). Аналогичным образом наши всемирные денежные системы – это взаимосвязанные (хотя по большей части и невидимые) сети, которые простираются до самых дальних уголков планеты; как нейроны пронизывают ткани, так эти сети проходят внутри нас. Но хотя система денег и достигает самых удаленных городков, концентрируется она в сфере крупных финансовых операций, которые в свою очередь концентрируются в этих высоких башнях.

Неудивительно, что многих приводят в растерянность публикуемые СМИ заявления экспертов о том, что здесь происходит. Они слышат утверждения типа: “ежедневно на

валютной бирже вращаются триллионы”, “стоимость мирового рынка деривативов в десять раз превосходит размер мирового ВВП” и т. п. Такие описания порождают образ инопланетного мира огромных чисел. Кажется, что высшие финансовые сферы, постоянно присутствуя в нашей жизни, все же никак с ней не связаны, однако в конечном итоге сложные финансовые сети всегда можно проследить до самого их основания, до наших тел и земли.

На самом деле, если проанализировать ситуацию до конца, то все вырастает из наших экологических систем, без которых мы гибнем. Если пойти в парк, лечь ничком на траву и хорошенько присмотреться, то станут видны букашки, пролезающие между песчинками... а если бы мы могли заглянуть поглубже, то увидели бы микробов, грибы и молекулы воды. Это субстрат, рождающий растения, а они дают жизнь бесчисленным созданиям, образующим экосистемы, которые уже более двухсот тысяч лет позволяют нам выживать, растить детей, формировать сообщества и производить товары и услуги, или – *ценности*.

Значительную часть этих сотен тысяч лет нам удалось прожить без всяких денег. Однако то, что мы сегодня называем экономикой, является взаимосвязанной сетью людей и групп людей, производящих на базе этой экосистемы товары и услуги друг для друга, но координирующих передачу своего труда (и продуктов своего труда) с помощью денежной системы, которая прочно связывает их в единое целое. Вот

почему полезно с самого начала смотреть на денежную единицу как на что-то, что может *активизировать* кого-то для производства ценности – подобно импульсу, проходящему из одной части связанной нервной системы в другую и приводящему к движению тела.

В последующих главах мы глубже изучим денежную систему и рассмотрим, как она разделяется на отдельные части, одна из которых тесно связана с центробанками, а другая – с коммерческими банками (первые и вторые – основные противники в борьбе между наличными и электронными деньгами). Мы узнаем, что наличные – более фундаментальная форма денег и что сила электронных денег, которыми вы пользуетесь с помощью платежных карт, отчасти основана на их ассоциации с наличными.

Но до самого конца данной главы мы с вами будем без доказательств принимать тот факт, что монетарная паутина вплетена в нашу жизнь, так как хотим разобраться, как это позволяет самым ярким финансовым игрокам (инвестиционным банкам и хедж-фондам) создавать и продавать контракты, которые с помощью корпоративных структур управляют монетарной деятельностью, увеличивая ее масштабы и сложность. Это объяснит, каким образом общая структура экономики связана с казалось бы частным вопросом: в какой форме мы ежедневно носим с собой деньги?

Заряжаем корпоративный капитализм

Индустриальных гигантов не привлекает тяжелый труд. Если пятерка нефтяных баронов задумает разработать новую нефтяную скважину в море, они не станут делать это самостоятельно, начав бурение в открытом океане. Они поручат это другим: мобилизуют армию поставщиков нужных материалов, наймут инженеров, других специалистов и рабочих. Основной метод инициирования этого процесса – создание юридического лица (компании или корпорации) под названием, например, “Глубоководное бурение Инкорпорейтед” со своим банковским счетом, чтобы это юрлицо могло заключать соглашения с подрядчиками и сотрудниками. Однако прежде чем компания сможет начать свою деятельность, этот счет нужно “зарядить” деньгами (“капитализировать”).

“Зарядку” организуют в финансовом секторе. Наши нефтяные бароны могут перевести на счет новой компании некоторое количество своих денег, но полную зарядку поручат инвестиционным банкирам. Последние разработают для “Глубоководного бурения” инвестиционный проспект, призванный показать, как руководство предприятия сможет с учетом определенных рисков найти источники всего необходимого (рабочих, материалов, технологий и т. п.), затра-

тив меньше, чем принесет доходов продажа их продукции (в данном случае нефти). Этим проспектом с его манящими перспективами будущей прибыли можно будет соблазнять руководителя крупного пенсионного фонда, ищущего возможности для инвестирования.

Пенсионный фонд – это организация, которая аккумулировала деньги тысяч отдельных людей в огромную “батарею”, готовую подзарядить корпорации, нуждающиеся в финансировании. Наши инвестиционные банкиры приглашают руководителей фонда дать деньги “Глубоководному бурению” в обмен на долю в его будущей прибыли. Это обязательство в будущем заплатить деньги оформляется в виде юридического контракта, называемого акцией. Но компанию можно зарядить и по-другому: пообещать другим инвесторам (называемым кредиторами) фиксированные выплаты из будущих денег в обмен на деньги сегодняшние.

Истинной кровью экономики являются не деньги, а люди, выполняющие работу. Но сердце можно заставить биться с помощью электрошока. После того как корпорация получила заряд за счет капитализации, она может перенести этот заряд по денежной нервной системе и, действуя как дефибриллятор, заставить тысячи человеческих тел выполнять масштабные действия. Тем самым десятки тысяч рабочих могут быть мобилизованы для создания и сборки буровой установки, а затем для добычи с ее помощью нефти, которую руководство фирмы сможет продавать клиентам. Эти клиенты

– источник неопределенности, ведь их могут увести конкуренты (поэтому менеджеры стремятся снизить расходы, например, заменяя ручной труд машинным), но после продажи продукта поток денег пойдет в обратном направлении по циклу. Часть этих денег предназначена на выплату бонусов руководству и налогов государству, а остальные – на подзарядку батареи (чтобы дать инвесторам будущие деньги, обещанные в их финансовых контрактах). В результате кредиторы получают свои проценты, а акционеры – свои дивиденды.

Вот так мысли пяти нефтяных баронов преобразуются с помощью денег, направленных на рынки труда и технологий через финансовые рынки, сначала в действия, а в итоге – в продукты на сырьевом рынке. Если их “Глубоководное бурение” зарекомендует себя как перспективное предприятие, они смогут затем продать его компании BP и “Глубоководное бурение” станет одной из ее *дочерних компаний*. В 2014-м я работал в берлинской компании открытых данных *OpenOil*, разбираясь в замысловатой корпоративной структуре BP: деньги от больших инвесторов поступают (через Лондонскую фондовую биржу) в материнскую компанию, которая капитализирует 35 дочерних компаний, а те, в свою очередь, капитализируют сотни своих дочерних компаний. В общей сложности структура содержит 12 слоев, и то, что мы называем “BP”, – на самом деле конгломерат более 1100 дочерних компаний, разбросанных по всему миру и соединенных сложной сетью финансовых потоков. Так возникают ме-

гакорпорации.

Подобная мегакорпорация управляет своими дочерними компаниями из штаб-квартиры (в каком-нибудь небоскребе) и организует их взаимодействие – поэтому едва ли не половина международной торговли происходит на самом деле *внутри* корпораций, а не на открытых рынках. “Корпоративный капитализм” – это объединение таких конгломератов в сложные образования, где продукция одного служит сырьем для другого: нефть от “Глубоководного бурения”, новой дочерней компании BP, служит сырьем для пластиковой продукции *Dow Chemical*, которая в соединении со сталью от *ArcelorMittal* позволяет создавать специальные прессы для кондитерского производства *Nestle*. Эти соединяющие корпорации сети – основа глобальной экономики. С помощью международных логистических сетей компоненты будущей продукции передаются от одной корпорации другой, пока наконец не будет изготовлен товар, который через предприятия оптовой торговли поступит на полки местных магазинов.

И тут подключаюсь я, завершая цепочку обменом денег на молочную шоколадку (которая даст мне энергию, чтобы я мог продолжить работу). Покупая шоколадку, я могу передавать деньги такому же, как я, человеку, и мне может казаться, что мы с ним равноправные участники рыночного обмена. Но при этом я не вижу лежащих в основе нашего обмена институциональных инфраструктур: договорного права, во-

енных сил, прав собственности, обширных корпоративных сетей поставок и грандиозных международных систем торгового финансирования. Я не вижу, что каждая покупка в этом магазине – это завершающая деталь многоуровневого финансового цикла, возникшего, возможно, десятилетия (а то и столетия) назад.

Проблема неполноты картины

С нашей позиции уличного наблюдателя трудно разглядеть взаимосвязанные элементы корпоративного капитализма. Мы подобны тем слепым мудрецам из притчи, которые, ощупывая слона с разных сторон, воображают, что хвост – это веревка, а нога – ствол дерева. Этот фрагментарный подход укрепляют и СМИ, рассматривая “потребителя” (человека, который решает, что покупать) отдельно от “работника” (того же самого человека, который получает зарплату и на следующий день снова идет на работу) и отдельно от “вкладчика” (все того же человека, который решает передать управление своими деньгами финансовому институту, изучающему возможности по капитализации какого-то нового корпоративного цикла).

На самом деле потребитель, работник и вкладчик – это один и тот же участник той же самой денежной системы. Сегодня вы получаете деньги, а завтра вы их отдаете за товары или финансовые контракты, откуда они снова расходятся по разным направлениям. Финансовые институты не ограничиваются зарядкой корпораций – они включаются в систему всюду, где есть движение денег. Например, они могут предложить кредиты потребителям, побуждая людей влезать в долги для покупки товаров, выпущенных корпорациями. Они могут финансировать будущих работников – что такое

образовательные кредиты как не выдача займов будущим работникам, стремящимся быть нанятыми? А могут выдавать ссуды на ипотеку работникам, едва выплатившим студенческие долги, но отчаянно желающим купить жилье, чтобы обеспечить хоть какую-то стабильность в этом непрочном мире.

То же самое стремление к надежности можно эксплуатировать с помощью спекулятивных инвестиций из разряда “хочу-быстро-разбогатеть”. Перестав работать брокером деривативов, я несколько месяцев был консультантом компании, занимавшейся ставками на спред⁶. Она брала ссуды в крупном инвестиционном банке и кредитовала физлиц – “внутридневных трейдеров⁷”, которые хотели разнообразить рутинную жизнь, делая ставки на финансовых рынках. Да, крупный финансист финансировал финансиста среднего масштаба, который финансировал мелких финансистов. Финансирование финансистов – крупный бизнес. Можно давать ссуды акционерам для покупки акций, а можно кредитовать кредиторов для покупки облигаций. Возникает своего рода рекурсия.

Каждый из этих финансовых контрактов можно взять за основу для построения более сложных контрактов. Мы уже

⁶ Игра на бирже, при которой делаются ставки на то, вырастут или упадут акции той или иной компании.

⁷ Трейдеров, которые покупают и продают финансовые инструменты в течение одного торгового дня.

видели, что акция компании ВР – это заявка на участие в доходах ее 1100 дочерних компаний, но доля в более крупном фонде, в который входит такая акция, может привести к получению доходов от десятков тысяч дочерних компаний, а доля в фонде фондов – доходов от сотен тысяч дочерних компаний. Финансовые институты могут объединять любые созданные ими контракты – потребительские кредиты, студенческие ссуды, ипотеки – в инструменты, подобные облигациям, обеспеченным долговыми обязательствами, и ценным бумагам, обеспеченным закладными, которые породили финансовый кризис 2008-го. Эти структуры состояли из сотен тысяч финансовых инструментов. И это мы еще не дошли до деривативов – сектора, в котором я работал, – представляющих из себя ставки на различные цепочки контрактов. Например, свопцион (*equity index swaption*) – это ставка на ставки на доход сотен корпораций с сотнями тысяч дочерних компаний.

Банкир, проводящий встречи по поводу свопционов, живет в мире абстракций, находясь на вершине экономической иерархии; такие люди скорее объединяют тысячи ипотечных ссуд в огромный пакет для продажи норвежскому суверенному фонду, чем обсуждают с взволнованными молодежниками покупку дома. Верхние этажи небоскребов занимают немногие, но именно они проводят самые масштабные операции.

Однако все эти башни опираются на расположенные на

нижнем уровне точки доступа, предназначенные для вовлечения людей. Это отделения банков, независимые финансовые консультанты, биржевые маклеры и компании, принимающие ставки на спред, – и всем им требуется персонал для обслуживания клиентов. Однако корпорациям, которые нацелены на обслуживание миллионов, этот низовой персонал обходится дорого. Все эти люди нужны как коллектив, но каждый отдельный сотрудник – обуза. Вот почему финансовые организации стремятся автоматизировать свое общение с физлицами. Лучше предоставить клиентам стандартное приложение, которое обеспечивает самообслуживание: тогда их уже не надо затаскивать в систему вручную – они сами себя направляют в финансовое мегаядро.

Но стремление к автоматизации идет и дальше. Оно проникает *внутрь* небоскребов. Финансовые учреждения испытывают многочисленные неудобства из-за своих ненадежных сотрудников с непредсказуемыми потребностями, конфликтами и мечтами, садящихся со спущенными штанами на унитазы после ночной пирушки. Так не отказаться ли полностью от человеческого персонала, обучив машины разрабатывать и паковать все эти финансовые контракты? Автоматизировать нервные центры. Вот почему в их башнях расположен *Level39*.

Однако на пути всего этого стоит одно маленькое препятствие. Оно называется *наличные*.

Препятствие

Очень важно разделять корпоративный капитализм на ядро и периферию. Ядро я уже описал – это мегаигроки вроде ВР, действующие совместно с финансовым сектором и использующие цифровую платежную систему, которой управляет коммерческий банковский сектор. Когда ВР заказывает подрядчику укладку цемента на сотни километров трубопровода, она не платит за это наличными. Она выполняет массовые электронные платежи, которые отражаются на банковском счете подрядчика, после чего тот, в свою очередь, может направлять платежи своим подрядчикам. Цепочка импульсов, возникших в высших финансовых сферах башен, вихрем проносится по сети банковских счетов, но на периферии ее движение замедляется. На периферии корпоративного капитализма находятся отдельные работники, делающие всю грязную работу, – вот они-то и привыкли пользоваться наличными.

Скопление наличных на множестве дальних участков вызывает у банковского и корпоративного секторов ощущение, подобное зуду, – возникает желание почесаться. Наличные лежат в грязном кошельке шахтера и в лифчике бабушки из народа коса, покупающей банку детской смеси *Nestle* в сельской лавочке в ЮАР. Финансовые корпорации мечтают о “безналичном обществе”, где даже эти мельчайшие узел-

ки капиталистического рынка будут привязаны к своим банковским счетам, что позволит банковскому сектору войти в каждый пиксель экономической картины мира. Чтобы полностью закрепиться в наших жизнях и прилипнуть к нашим телам, корпоративному капитализму нужно, чтобы деньги были электронными, а точки доступа нижнего уровня были заменены стандартными приложениями, живущими в смартфонах, с которыми мы нигде не расстанемся. Это нам представляют как “будущее денег”.

Глава 2

Борьба с наличными

Любой вводный курс по экономике открывается сценой, заставляющей вспомнить “Ромео и Джульетту”. Два семейства – Покупатели и Продавцы – враждуют друг с другом. Первое владеет деньгами, второе – товарами или услугами. Обе стороны в напряженном ожидании: Покупатели дефилируют туда и обратно вдоль Кривой спроса, демонстрируя условия, на каких они готовы совершать покупки, а Продавцы не сводят глаз с Кривой предложения, которая показывает условия, на каких они готовы продавать. На пересечении этих кривых Покупатель встречает Продавца и передает ему определенную сумму денег в обмен на определенное количество товара. Эта точка заключения мира называется Рыночной ценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.